

Разумность как источник англосаксонской правовой системы

Д.В. Грибанов¹, К.Е. Коваленко²

¹ Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Reasonableness as a Source of Anglo-Saxon Legal System

D.V. Gribanov, K.E. Kovalenko

¹ Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается актуальная для англосаксонской правовой системы тема — понятие разумности в праве. Среди источников англосаксонского права в качестве самостоятельного источника нередко выделяется разум. Однако ни в учебной, ни в научной юридической литературе нет конкретного определения данного источника права. В период преобразования различных сфер правовой действительности для обеспечения стабильного и эффективного правового регулирования необходимо грамотное использование в правовой системе оценочных понятий на основе выработанных общетеоретических знаний о них. Так, в последнее время отмечается повышенный интерес к понятию разумности, которое является актуальным и востребованным не только правовой теорией, но и практикой. Но комплексного представления о сущности разумности в юридической науке не сложилось. Показано, что в английской литературе существуют различные точки зрения по вопросу определения разума. При попытках выработки общего понятия разума как источника права и более четкого о нем представления в одних случаях исследователи рассматривают его как некое разумное средство восполнения имеющихся пробелов в статутном праве, в других — как повседневную жизнь, суть общего права.

Ключевые слова: разумность, право, судебные решения, англосаксонская правовая система, общее право.

DOI 10.14258/izvasu(2015)2.1-07

Две системы западного права — англосаксонская и романогерманская — явились результатом многовекового развития; их содержание и стиль пре-
допределены не абстрактными и универсальными

The article considers an important for the Anglo-Saxon legal system theme, i.e. the concept of reasonableness in law. Reasonableness is often marked as a source of Anglo-Saxon legal system. But neither research literature nor course books give the comprehensive definition of this source. During the transformation of various spheres of legal validity to ensure a stable and effective legal regulation it is topical to use comprehensive concepts developed on the basis of general learned knowledge. Thus, there has recently been an increased interest in the concept of reasonableness that is topical not only for legal theory, but for legal practice. But a comprehensive understanding of the essence of reasonableness in legal thought has not yet been developed. It has been shown that in English research literature, there is a variety of opinions concerning the definition of “reasonableness”. In attempts to establish a common concept of reason as a source of law and a clearer presentation of it in some cases, the researchers see it as a kind of reasonable means to fill gaps in statute law, in others see it as everyday life, the essence of common law.

Key words: reasonableness, law, judicial decisions, the Anglo-Saxon legal system, common law.

идеями, а конкретно-историческими условиями существования западноевропейской цивилизации [1, с. 52]. По этому поводу Сурья Пракаш Синха на основе цивилизационного плюрализма делает вывод

о том, что «право и его институты играли центральную роль в специфической исторической деятельности Запада» [2, с. 11].

В правовых системах стран общего права, наряду с прецедентами и законами, важную роль играют и другие источники права, среди которых можно назвать и «судейский разум». В юридической литературе данный источник часто относят к второстепенному, поскольку он получил меньшее признание и распространение, чем прецедент и закон.

«Разум» как источник права рассматривается по общему правилу не в «измерении», как большинство других источников англосаксонского права, а в фактическом, сугубо эмпирическом плане. Англоамериканское право использует понятие «разумный человек» (*reasonable man*) предельно широко и определяет его как «обычный гражданин», которого иногда называют «человеком из автобуса» [1, с. 383].

Общее право, по мнению Кока, есть искусственный (*artificial*) разум [3]. Сам же термин «*reason*» в данном контексте означал не врожденную естественную мыслительную способность, а логику принятия решений, комплекс знаний и умение их применять. А потому и общее право понималось им прежде всего как практика; неизменность его основ сочеталась с динамикой их непрекращавшегося воспроизведения и применения в конкретных условиях определенного прецедента.

Обратимся к словарю русского языка А.П. Евгеньевой для того, чтобы определить, что представляют собой разум и однокоренное слово «разумность». Абстрактное существительное «разумность» — это свойство, т. е. «признак, качество, характерное для кого-нибудь, чего-нибудь» [4, с. 634]. Значение «разумности» устанавливается исходя из смысла прилагательного «мудрый»: 1) владеющий умом; 2) базирующийся на уме, выгораживаемый умом [4, с. 634].

В новом толково-словообразовательном словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой есть определение слова «разумный»: 1) соотносящийся по значению с разумом, связанный с ним; 2) а) свойственный разуму, характерный для него; б) обладающий разумом; 3) а) рассудительный, толковый; умный; б) выражающий ум, рассудительность; 4) а) основанный на разуме; оправдываемый разумом, здравым смыслом; б) доступный пониманию, вразумительный [5].

Словарь русского языка С.И. Ожегова толкует слово «разум» как способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания [6, с. 676]. Синонимами этого понятия являются существительные «ум», или способность индивида мыслить, основа разумной и сознательной жизни людей; «интеллект» как противоположность чувственному восприятию, чувству.

Однако при первичном анализе кажется странным, что «разумность», обозначающее в обычном смысле интеллектуальную человеческую деятельность, описывает объективную сторону его деяний как юридическое определение. Но, оказывается, дело в том, что, давая оценку разумности действий, мы не останавливаемся на интеллектуальном или волевом элементе реальных действий конкретного индивида. Тогда проверяется вероятность совершения неких действий и поступков не конкретным лицом, а средним человеком. В таких ситуациях говорят, что «нормальный человек», желая сделать что-то (исполнить обязанность или осуществить право), был способен выполнить это в определенной ситуации. При этом мы не придаем значения, имел ли конкретный субъект понятие или нет о последствиях своих поступков, планировал или не планировал их наступление [7, с. 126].

В английской литературе существуют различные точки зрения по вопросу определения разума. Так, «разум — это жизнь права, и общее право есть не что иное, как разум», при этом «разум не является каким-то неопределенным чувством справедливости конкретных индивидуумов». Это есть разум «в том виде, в каком он понимается судьями, заботящимися, прежде всего, о создании стройной системы права» [8, с. 221].

В «Первой части институций английского права» Кок пишет: «Разум (*reason*) есть жизнь права, а общее право само по себе есть не что иное, как искусственное совершенство разума, возникшее благодаря учению, наблюдению и опыту. Это не обычный разум, присущий каждому человеку, ибо *Nemo nascitur artifex* (Никто не рождается мастером). Правовой разум есть *summa ratio*, а следовательно, даже если бы весь разум, рассеянный по множеству людских голов, собрать воедино, и тогда не появился бы закон, равный праву Англии. Ибо на протяжении многих веков оно оттачивалось и уточнялось поколениями мудрых и ученых мужей, и благодаря длительному опыту достигло такого совершенства для дела управления сей страной, что им можно подтвердить древнее правило: *Neminem oportet esse sapientiozem legibus*, то есть: человек с его собственным разумом не может превзойти право, которое есть совершенство разума» [3].

Кроме этого, «разум» ученые иногда воспринимают исключительно в правоприменительном плане как принятие адекватного судебного решения по какому-либо делу в ситуациях, когда есть серьезные пробелы в самом механизме правового регулирования отношений в определенной сфере [9; 10]. Но в данной ситуации имеется в виду не решение судей по определенному делу, а правовые доктрины, которые складываются с учетом правовых принципов и традиций, обычаев, как общих, так и местных,

обслуживающих конкретную сферу общественных отношений. Другие исследователи считают его неким разумным средством воплощения имеющихся в праве пробелов [11].

Например, раздел 3 (1) Акта «О недобросовестных положениях договора» 1977 г. препятствует стороне исключить и ограничить ответственность за небрежность «со ссылкой на любой срок действия контракта или уведомления», за исключением случаев, когда срок действия контракта или уведомления «удовлетворяет требованию разумности» («satisfies the requirement of reasonableness») [12]. *Критерий разумности* отличается в зависимости от того, идет ли речь о сроке действия контракта или об уведомлении, которое не имеет договорного значения: 1) в случаях, где речь идет о сроке действия контракта, «справедливость и разумность должны учитываться в отношении обстоятельств, которые были или должны были быть известны, или входили в намерение сторон, когда заключался договор» [13]; 2) если это уведомление, вопрос в том, справедливо ли и разумно полагаться на это, учитывая все обстоятельства получения, существующие тому, когда ответственность возникла или возникла бы [13].

Приложение 2 Акта «О недобросовестных положениях договора» 1977 г. устанавливает «руководящие принципы», согласно которым внимание должно быть уделено тому, как *критерий разумности* применяется к некоторым контрактам. Сюда относятся: 1) относительно сильные позиции сторон переговоров; 2) любое встречное удовлетворение, согласно которому может быть получено согласие клиента на срок и 3) объем знаний клиента о сроке.

Однако раздел 727 Закона «О компаниях» [14] 1985 г. позволяет аудитору обратиться в суд по вопросу освобождения от ответственности в отношении претензий за халатность, нарушение обязанностей или злоупотребление доверием на основании того, что аудитор действовал добросовестно и *разумно*. Если этих оснований достаточно, то он может быть освобожден. В целом, чтобы быть исполненным, исключение или ограничение должно удовлетворять критерию разумности.

В Англии в процессе вынесения решения на основе *разума* важное значение имеют высказывания судей о праве (*obiter dictum*) [15, с. 264–265]. По мнению судьи Верховного суда США Дж. Зуссмана, любой законодатель начинает с идеи или же мысли, заканчивает все словами, а судьи, наоборот, пытаются проследить за мыслью законодателя, понять ее, чтобы расшифровать эту идею. Такая задача стоит перед каждым толкователем. Судья не имеет права на собственную субъективную точку зрения. Но иногда возникают ситуации, когда отсутствует норма права, которая бы регулировала спорное правоотношение, и судья не имеет другой альтернативы, он может только определить смысл толкуемой нормы на основе собственного усмотрения [9].

А. Пейтерсон говорил о субъективных ощущениях судей англосаксонской правовой системы: «...есть множество дел, на которые просто нет правильных ответов, которые судебные органы в состоянии вывести, но они не настолько проницательны. Они считают, что их задача — выносить наилучшие решения, которые являются возможными в сложившихся обстоятельствах» [16].

Под «разумом» в общем праве следует понимать разумное решение спора, когда по данному вопросу «нет ни прецедента, ни законодательной нормы, ни обязательного обычая». Судебное решение на основе разума представляется как соответствующее нормам действующего права, в сочетании со справедливостью определяет существующие общественные отношения, является основой права [1, с. 264].

Таким образом, говоря о месте и роли разума как источника права в системе источников англосаксонского права, необходимо различать две стороны данного вопроса — формально-юридическую и фактическую [17]. С формально-юридической стороны «теоретически разум играет вспомогательную роль». В практическом же плане «в действительности он имеет первостепенное значение» [1, с. 265]. Общее право, которое складывалось в течение многих веков, заложило основу для формирования понятия «право разума». Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что к оценке «разумности» следует подходить с учетом особенностей англосаксонской правовой системы.

Библиографический список

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. — М., 1967.
2. Синха Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права. — М., 1996.
3. Elizabeth A. Martin. Oxford Dictionary of Law. — Oxford, 1997.
4. Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England: Or a Commentary upon Littleton, Not the Name

of the Author only, but of the Law Itselfs // The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke. Vol. 2 : Edited by Steve Sheppard. — Indianapolis, 2003.

5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой : в 4 т. Т. 3. — М., 1987.

6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2001.

7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1992.

8. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами. — М., 2002.

9. Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика. — М., 1985.

10. Барак А. Судейское усмотрение. — М., 1999.

11. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — Т. 1. — М., 1998.

12. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. — М., 2009.

13. Brian St. J Collins Unfair Terms in Consumer Contracts Regulations 1994 // Web Journal of Current Legal Issues. — 1995. — № 3.

14. The Unfair Terms in Consumer Contracts Regulations 1999 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50/contents>

15. Companies Act 1985 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6>

16. Paterson A. The Law Lords. — London, 1982.

17. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира : учебное пособие. — М., 2009.